

«Меткость эпиграмматических заметок»:

Тургенев за чтением

гончаровского «Обрыва»

Выхода в свет третьего гончаровского романа Тургенев ждал «с великим нетерпением», как признался Я. П. Полонскому в письме от 16 декабря 1868 года (П., IX, 110). Причина нетерпения вполне понятна: Гончаров работал над романом двадцать лет, задуманный в 1849-м «Обрыв» был опубликован только в 1869 году, в 1–5 номерах «Вестника Европы». Кроме того, известный конфликт Гончарова с Тургеневым — обвинение Тургенева в плагиате — был связан именно с «Обрывом».

Чтение романа зимой и весной 1869 года Тургенев сопровождал многочисленными яркими и едкими замечаниями в письмах к своим постоянным корреспондентам — П. В. Анненкову, В. П. Боткину, Я. П. Полонскому, А. А. Фету, И. П. Борисову. Выписывавший и регулярно читавший, живя вне России, почти все русские толстые журналы, он о текущей литературе высказывался в письмах регулярно, его эпистолярный литературно-критический диалог был исключительно активным. И свежие впечатления от чтения «Обрыва» заняли в нем не последнее место.

Здесь уместно вспомнить то, что писал о сатирическом даровании Тургенева П. В. Анненков: «...ко всем своим качествам изобретательности, наблюдательности и вдумчивости в явления Тургенев присоединял еще в значительной доле едкое остроумие и эпиграмматическую способность. <...> Он составлял весьма забавные эпиграммы на выдающихся людей своего времени, не стесняясь их репутацией <...>». И далее: «...слух о меткости его эпиграмматических заметок <...> был так распространен, что В. П. Боткин вздумал однажды записывать его речи и привел свой план в исполнение. Затерянная книжка эта где-нибудь должна существовать, но она утратила свой интерес после того, как сам

Тургенев прекратил свою юмористическую деятельность и оставил в сыром виде старые попытки и проявления ее»¹.

«Юмористической деятельности», однако, судя по письмам, Тургенев не оставлял, и его отзывы о гончаровском «Обрыве» — блестящий образец ее «проявления». При этом, как отметил Анненков, целью Тургенева не было «посмеяние», такая цель «не вязалась с добротой сердца, отражавшейся на всем, что он делал, и с его недоверием к себе, с весьма невысоким мнением о своих качествах и способностях. <...> Его сравнивали с Ювеналом в некоторых случаях его жизни, особенно за памфлетическую сторону таланта, как в “Дыме”, например; но <...> он не питал никакого отвращения к жертвам своих сатир, а биографические сведения показывают, что ядовитое жало свое он обращал прежде всего на самого себя»².

Критические высказывания Тургенева об «Обрыве» представляют интерес не только с точки зрения восприятия романа литератором-современником, они могут рассматриваться и как метапоэтический дискурс — писательская рефлексия над эстетическими принципами, творческими задачами, повествовательными приемами как в чужих, так и в собственных текстах.

Прежде чем обратиться к тургеневским «эпиграмматическим заметкам» об «Обрыве», имеет смысл кратко напомнить о сути конфликта между ним и Гончаровым, для разрешения которого по просьбе Тургенева был создан «третейский суд», состоявшийся 29 марта 1860 года. Причиной конфликта послужил «план» романа, еще не имевшего названия, пересказанный Гончаровым Тургеневу в начале 1855 года. От этого замысла Тургенев, по его словам в одном из писем Гончарову, «ожидал золотые горы» (II, III, 110)³. После появления в печати «Дворянского гнезда» (1859) и годом позднее «Накануне» (1860) у Гончарова возникло убеждение, что план его романа был у него Тургеневым «похищен» и использован в его сюжетах. А. В. Никитенко после участия в «третейском суде» записал в дневнике: «В подозрительном, жестком, себялюбивом и вместе лукавом характере Гончарова закрепилась мысль, что Тургенев с намерением заимствовал у него чуть не все или по крайней мере

¹ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 365.

² Там же. С. 365–366.

Письмо от 21 июня (3 июля) 1856 года.

главное, что он обокрал его»⁴. Следы «плагиата» Гончаров позднее обнаружил и в «Отцах и детях», и в «Дыме».

Обстоятельства конфликта известны по переписке и мемуарам современников⁵. Болезненная логика обвинений Тургенева в плагиате, изложенная Гончаровым в не публиковавшейся при жизни «Необыкновенной истории» (1875–1879), не раз была предметом исследования⁶. «Третейский суд» признал известную типологическую близость отдельных «положений», «мыслей и выражений» в романах обоих писателей — «как возникших на одной и той же русской

⁴ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 114 (запись от 29 марта 1860 года). Экспертами на суде, помимо Никитенко, выступили П. В. Анненков, А. В. Дружинин и С. С. Дудышкин.

См.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 414–416; Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 114–116; Майков Л. Н. Ссора между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым в 1859 и 1860 годах // Русская старина. 1900. № 1. С. 5–23; И. А. Гончаров и И. С. Тургенев: По неизданным материалам Пушкинского Дома / С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг., 1923. С. 8–63. Д. Д. Минаев в «Искре» (1860. № 19) откликнулся на «третейский суд» стихотворением «Парнасский приговор».

См.: Батюто А. И. Тургенев и Гончаров // Батюто А. И. Тургенев-романист. Л., 1972. С. 326–349; Недзвецкий В. А. Комментарии [к «Необыкновенной истории»] // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 427–429, 449–458; Недзвецкий В. А. Конфликт И. С. Тургенева и И. А. Гончарова как историко-литературная проблема // Slavica. Debrecen. 1986. Т. 23. С. 315–332; Недзвецкий В. А. Историко-литературный смысл писательского конфликта // Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров — романист и художник. М., 1992. С. 152–164; Суханек Л. И. Тургенев и И. Гончаров, или О плагиате // Slavica. Debrecen. 1986. Т. 23. С. 305–313; Гродецкая А. Г. «Отцы и дети» в конфликте Гончарова и Тургенева // Тургеневский ежегодник 2013 года. Орел, 2014. С. 11–20; и др. Логику обвинений в плагиате красноречиво иллюстрирует фрагмент «Необыкновенной истории», относящийся к «Дворянскому гнезду»: «...извлечен был весь сок романа, дистиллирован и предложен в отделанном, обработанном, очищенном виде. У меня бабушка, у него тетка, две сестры, племянницы, Лаврецкий, схожий характером с Райским, также беседует по ночам с другом юношества, как Райский с Козловым, свидания в саду и прочее. Разумеется, я не мог передать на словах, например, ему всей изменчивой, нервной, художнической природы Райского — и у него вышел из него то Лаврецкий, то Паншин. Он не забыл и фигуры немца — истинного артиста. У меня бабушка достает старую книгу — и у него старая книга на сцене. Словом, он снял слепок со всего романа — и так как живопись и большая картина жизни — не его дело, он не сладил бы с этим, он и оборвал роман, не доведя его до конца. У меня верующая Вера, и у него — религиозная Лиза, с которой он не знал, как кончить, и заключил ее в монастырь. После Анненков ему сказал, что не видно источника ее религиозности — и тогда Тургенев приделал какую-то набожную няню» (Гончаров И. А. Необыкновенная история. (Истинные события) / Вступ. ст., подгот. текста и комм. Н. Ф. Будановой // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 203).

почве»⁷, не касаясь, разумеется, вопроса о специфике гончаровской и тургеневской романной поэтики. Тем больший интерес представляет в отзывах Тургенева об «Обрыве» то, что в гончаровском романе оказалось для него категорически неприемлемым.

В ожидании завершения романа Тургенев следил за появлением в печати «отрывков», предварявших публикацию полного текста. Отрывок «Софья Николаевна Беловодова», напечатанный в № 2 «Современника» за 1860 год, ему не понравился⁸, и позднее об этом достаточно автономном в сюжете романа «эпизоде» он высказался резко критически. Прочитав второй отрывок, «Бабушка» («Отечественные записки», 1861, № 1), Тургенев, напротив, «вновь умилился», по его словам, в письме к Анненкову: «Это прелесть!» (П., IV, 294)⁹.

В сентябре 1866 года в Париже Гончаров читал части «Обрыва» Боткину, и последний известил об этом Тургенева в письме от 8 октября. С основной идеей романа, считал Боткин, автор к этому времени «еще не справился», и причина его долгой работы над романом состояла «в неясности концепции главного характера». При этом Гончаров, по словам Боткина, видел в Райском «какого-то героя. Я однако ж откровенно сказал ему, — что его Райский есть просто фразер — и пожалуй герой, — но только комический. <...> Вся прелесть заключается в подробностях, в деревенских разных барынях, в дворовых, в картинах уездного города: все это написано рукою тонкого и ловкого мастера. — Но когда он из обычного добродушного легкого юмора — касается изображения страсти, — то делается риторичен и многоглаголив. <...> Два утра он читал мне, и я ни на минуту не соскучился, — но ни разу не пахло тем ароматом, который не раз обдавал меня во время твоего чтения в Schillerstrasse <...>»¹⁰.

⁷ Примирительный вердикт суда гласил: «Произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны» (Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 416).

См.: П., IV, 166 (письмо к А. А. Фету и И. П. Борисову от 22, 29 февраля (5, 12 марта) 1860 года).

Письмо от 15 (27) февраля 1861 года. Тургеневское «вновь» подразумевает, что Анненков должен был помнить его первое впечатление: этот отрывок был прочитан Гончаровым Тургеневу и Анненкову годом ранее, в феврале 1860 года. В письме от 22, 29 февраля (5, 12 марта) 1860 года к А. А. Фету и И. П. Борисову Тургенев сообщал, что на днях слышал в исполнении автора «удивительный» отрывок вроде «Сна Обломова» (П., IV, 166).

В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. М.; Л., 1930.

«Великое нетерпение» Тургенева наконец, можно сказать, выплеснулось в январе 1869 года, сразу по прочтении в «Вестнике Европы» первой части «Обрыва», на страницы нескольких ярко эмоциональных писем. Он пишет Анненкову из Карлсруэ 12 (24) января¹¹, целиком посвящая письмо роману: «Вчера получил я первый номер “Вестника Европы”, любезнейший Павел Васильевич, и сегодня же прочел роман Гончарова... Мне даже страшно сказать, до какой степени я разочарован!! Не говоря уже о невыносимом, невозможном, всякую меру превосходящем многословии, не говоря о госпоже Беловодовой, которая производит на меня впечатление немецкого аптекаря, не говоря о противнейших, жвачкой отзывающихся ее разговорах с Райским — и жвачка-то произошла от поедения (*так!*) сухого сена, — но как это все старо, старомодно, условно, *lieu commun!* Какое отсутствие настоящей, живой правды! После Л. Н. Толстого, с одной стороны, после Решетникова — с другой (не удивляйтесь: я его ценю высоко), эдакая промозглая и неистинная литература уже невозможна! Это надо сдать в архив. И что за охота возиться с таким избитым типом, каков Райский, так пространно и любовно его мазать да размазывать, класть в рот и опять вынимать? И что за ухваточки старой девы с истерически нервной комплекцией! Самый слог, которым я некогда восхищался, представляется мне каким-то гладко выбритым, благообразно мертвенным чиновничьим лицом с бакенбардами, ниточкой вытянутыми от ушей к углам губ. Только и отдыхаешь, как попадешь в дом к Татьяне Марковне и в уездный город... Там есть вещи хорошие — второго разряда, не более... Вспомните подобные описания в “Войне и мире”! Нет, повторяю: это все отжившее. Не знаю, какой успех ожидает в публике этот роман; но знаю наверное, что восторгаться им будут только пошляки — умные или глупые, это все равно. Это написано чиновником для чиновников и чиновниц. И какова должна быть женщина, которой понравится Беловодова!!!!!!» (П., IX, 127).

В тот же день и о том же, об искусственной и старомодно-рутинной повествовательной структуре романа Тургенев пишет И. П. Борису, повторяя: «...многословие невыносимое, старческое — и ужасно много условной рутины, резонерства, ретирики. Должно признаться, что после *правды* Л. Н. Толстого — вся

С. 238–239. Имеется в виду дом на Шиллерштрассе, в котором Тургенев жил в Баден-Бадене.

1-й номер «Вестника Европы» вышел из печати 1 января.

эта старенькая, чиновничья литература очень отдает фальшью, да какой-то кислой, неприятной фальшью. Только хороши сцены в деревне да в уездном городе — а противнее г-жи Беловодовой я ничего не знаю. Какой-то начальник отделения неокладных сборов в юбке» (П., IX, 128).

И снова Анненкову Тургенев пишет 13 (25) января: «Я вчера сторяча написал вам об “Обрыве”, но и нынче, поразмыслив, не меняю своего мнения ни на йоту. Реторика и реторика! Что может быть, например, рутиннее, пошлее описания тех камелий, которые высасывают денежки из нашей молодежи! И что за <—> словами!!» (П., IX, 132). И тогда же, 13 (25) января, он пишет Фету: ...а вот подите — разжуйте-ка роман Гончарова в “Вестнике Европы” Вот уж точно: “а я... я тебя... мм... мм... я тебя.. мм.. люблю.. мм.. мм.. я..”. Разговоры между г-жою Беловодовой и Райским заткнули за пояс некогда знаменитые разговоры между Ольгой и Обломовым. Нет, это все отжило. Только можно читать, что Л. Толстого — когда он не философствует — да Решетникова. Вы читали что-нибудь сего последнего? *Правда* дальше идти не может. Черт знает что такое! Без шуток — очень замечательный талант» (П., IX, 133).

Впечатлениями от второй части «Обрыва», сразу по ее прочтении, в феврале 1869 года Тургенев делится с теми же адресатами. Анненкову он пишет: «Ну, батюшка, читаю я продолжение “Обрыва”, и волосы у меня вылезают от скуки. Эдаких дьявольски нестерпимых разговоров я что-то ни в одной литературе не запомню. Да и все лица — и Марфинька (к Вере я только что приступил, но уже и она отчеканила страничек восемь разговора), и Марк, и все кажутся мне общими местами, а Гончаров — какой-то бог и царь и поэт общего места, *deus loci communis*. Только две женщины жизненно и оригинально схвачены — Марина и жена невозможно скучного Леонтья Козлова. Устарел, устарел Иван Александрович, и философия его — затхлая. И что за несчастная фигура — Райский! Может ли чего-нибудь быть безобразнее его немотствующего мления, когда Марфинька сидит у него на коленях? Ох, как это все придумано!!» (П., IX, 144)¹². В письме Полонскому: «Вторая часть “Обрыва”, конечно, лучше первой — но и тут длинноты нестерпимые! Как только дело доходит до разговоров или рассуждений — так зевота и разбирает. Даже свою Веру Гончаров уже успел попортить: и она рассуждает и переливает из пустого в порожнее. Вот у кого

¹² Письмо от 9 (21) февраля.

тебе бы следовало занять хоть частицу его самоуверенности! Так *щебелить*, и за щеку класть, и опять выкладывать, и опять жевать — на удивление всей Европы — ты все-таки не станешь» (П., IX, 159)¹³.

О следующих частях романа Тургенев высказывается все более скупое. Наконец, в мае он сообщает Борису, что роман «едва осилил» и что «мелкие, тонко выработанные подробности не выкупают лжи и фальши — и скуки — целого» (П., IX, 225)¹⁴.

Длинноты в диалогах гончаровских персонажей Тургенев находил и в «Обломове», и об этом, в частности, прослушав чтение романа автором, писал Боткину 21 августа (2 сентября) 1857 года: «...Гончарову повторяю — что его “Обломов” вещь отличная, но требует необходимых сокращений, тем более, что этот ряд диалогов и без того несколько может утомить» (П., III, 255)¹⁵.

Особенности построения диалогической речи у Гончарова едва ли в достаточной степени исследованы, как и особенности его нарратива в целом. Замечу, что речевая риторика гончаровского персонажа имеет в разных ситуациях разные функции, и одна из них может быть описана как специфическая манипулятивная стратегия, близкая речевым стратегиям персонажей Достоевского, патетическая риторика которых становится орудием тирании для слушателя-жертвы, что отметил в одной из своих работ В. А. Туниманов, имея в виду Фому Опискина в «Селе Степанчикове» и Парадоксалиста в «Записках из подполья»¹⁶. В первой и последующих частях «Обрыва», главным образом в диалогах с женщинами, Райский таким манипулятором, а отчасти и истязателем, и выступает, его многословная риторика осознанно провокативна. При этом прихотливые речевые конструкции персонажа в большинстве случаев поданы у Гончарова с оттенком иронии. Когда Софья Беловодова пытается остановить словесные

¹³ Письмо от 20 февраля (4 марта).

Письмо от 24 мая (5 июня).

Стоит вспомнить и отзыв М. Е. Салтыкова, который, прочитав первую часть «Обломова», писал Анненкову 29 января 1859 года: «...прочел “Обломова” и, по правде сказать, обломал об него все свои умственные способности. Сколько маку он туда напустил! Даже вспомнить страшно, что это только день первый! и что таким образом можно проспять 365 дней! Бесспорно, что “Сон” — необыкновенная вещь, но это уже вещь известная, зато все остальное что за хлам! что за ненужное развитие Загоскина! что за избитость форм и приемов!» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1975. Т. 18, кн. 1. С. 209).

См.: Туниманов В. А. «Жалкие слова»: («Обломов» Гончарова и «Записки из подполья» Достоевского) // Pro memoria: Памяти академика Г. М. Фрийдлендера (1915–1995). СПб., 2003. С. 168–178.

излияния Райского, то ей, пишет Гончаров, «это было нелегко, <...> Райский входил в пафос»¹⁷. Для Гончарова характерна устойчивость и однотипность повествовательных приемов, повторяющихся в текстах разного времени, и «патетические сцены» между Райским и Софьей сопоставимы не только с диалогами Обломова и Ольги, что точно отметил Тургенев, но в известной степени и с «патетическими сценами» между Обломовым и Захаром, когда участники диалога «перестают понимать друг друга, а наконец, каждый и себя»¹⁸.

Показательны в тургеневских высказываниях и, так сказать, «антиподы» Гончарова — те литературные явления, в которых Тургенев видит несомненную новизну и оригинальность, как в тематике, так и в изобразительной технике. Это в первую очередь Толстой, автор публиковавшегося в течение 1867–1869 годов первого отдельного издания «Войны и мира» (в шести томах), и Ф. Решетников, опубликовавший к этому времени «Подлиповцев» (1864), «Горнорабочих» (1866), «Глумовых» (1866–1867) и ряд других очерков и рассказов. У них Тургенев находит ту «настоящую живую правду», которая противостоит риторике, условности, устарелости, «неистинности» и «фальши» гончаровского романа.

Следует отметить, что высказывания Тургенева о Решетникове не были однозначно лестными и изображение «правды» социальной реальности не являлось для него достаточным основанием подлинной художественности. Размышляя о «недостатке талантов, особенно талантов поэтических» в январе 1868 года в письме к Полонскому, Тургенев писал: «После Льва Толстого ничего не явилось <...>! Способности нельзя отрицать во всех этих Слепцовых, Решетниковых, Успенских и т. д. — но где же вымысел, сила, воображение, выдумка где? Они ничего выдумать не могут — и, пожалуй, даже радуются тому: эдак мы, полагают они, ближе к правде». И дальше следует блестящее афористическое суждение о правде в искусстве: **«Правда — воздух, без которого дышать нельзя; но искусство — растение, иногда даже довольно причудливое, которое зреет и развивается в этом воздухе. А эти господа — бессемянники и посеять ничего не могут»** (П., VIII, 96)¹⁹.

Критические высказывания Тургенева о «Войне и мире» (в письмах тем же адресатам) заслуживают того, чтобы

¹⁷ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 32 (выделено мной. — А. Г.).

Там же. Т. 4. С. 93.

Письмо от 2 (14) января (выделено мной. — А. Г.).

быть собранными и осмысленными. «Обрыв» он читает одновременно с очередными томами толстовского романа. «Исторической прибавки» в «Войне и мире» Тургенев не признавал, назвав ее «кукольной комедией» и «шарлатанством» (П., VIII, 128, 138). Не был он поклонником и толстовской «так называемой “психологии”» — «колебаний, вибраций одного и того же чувства», «quasi-тонких рефлексий и размышлений», «капризно-однообразной психологической возни» (П., VIII, 129, 148). «Со всем тем, — писал он Анненкову, — есть в этом романе вещи, которых, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать и которые возбудили во мне озноб и жар восторга». И ему же, чуть позднее: «Главное достоинство Толстого состоит именно в том, что его вещи жизнью пахнут» (П., VIII, 129, 133).

Несомненно, содержательно ценны и отклики на «Обрыв» тургеневских корреспондентов. Тяжело больной Боткин, которому «Обрыв» вслух читал брат Михаил, свое последнее слово о романе произнес в последнем письме к Тургеневу, от 9 марта 1869 года. Мнения своего он не изменил: «Роман Гончарова кажется мне таким же, как и тебе. Пагубный дар многословия, неумение вовремя остановиться, затхлые беседы о любви и страсти и проч., а есть и превосходные страницы и описания, сам Райский, несмотря на все желание автора живописать его, все-таки лицо мертвое и неприятное»²⁰. Остались неизвестными отзывы об «Обрыве» Полонского²¹. Не сохранились и письма Анненкова к Тургеневу за 1869 год, следовательно, и о его реакции на «Обрыв» можно судить только предположительно. При подготовке в конце 1869 года отдельного издания романа Гончаров именно к Анненкову обратился с просьбой о прочтении написанного им «Предисловия» к этому

²⁰ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. С. 279. Близкое суждение Боткин высказал и в последнем письме к Фету — от 28 мая (9 июня) 1869 года: «К немалому моему огорчению Овраг Гончарова (увы! я сам не читаю, все это мне читает Мишенька) — оказался длинной, многословной рапсодией, утомительной до тошноты. Впрочем, мы могли только одолеть две части. А между тем, однако ж, какой талант, какая изобразительность описаний, ему описания вещей удаются более людей. Райский есть просто нелепость» (Переписка А. А. Фета. Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступ. статья, публ. и комм. Ю. П. Благоволиной // Литературное наследство. М., 2008. Т. 103, кн. 1. С. 235–236).

Судя по ответным письмам Тургенева, Полонский в начале 1869 года делился с ним мыслями о романе, письма эти неизвестны; см.: Тургенев И. С. Переписка с Я. П. Полонским / Вступ. статья и комм. Г. П. Миролюбова // Звенья. М., 1950. Т. 8. С. 152–261; Письма к Тургеневу. Письма Я. П. Полонского (1857–1873) / Статья и публ. Э. А. Полоцкой // Литературное наследство. М., 1964. Т. 73, кн. 2. С. 195–248.

изданию. В январе 1870 года Анненков читал его в рукописи и, по словам Гончарова, «одобрил в статье несколько страниц»²². Имеется свидетельство о написанной им рецензии на «Обрыв», предложенной издателю журнала «Заря» В. В. Кашпиреву. Текст рецензии не сохранился, однако известен ответ Кашпирева: присланный Анненковым «разбор романа» был отклонен на том основании, что «Обрыв» критик сравнивал — необоснованно, по мнению редактора «Зари», с «Войной и миром»²³. Можно предположить, что усадебные сцены в «Обрыве» сопоставлялись с «мирными» сценами в романе Толстого, что отмечал в своих письмах и Тургенев. При этом есть все основания полагать, что в целом с «эпиграмматическими заметками» Тургенева Анненков был солидарен.

²² См. письма Гончарова к Анненкову от начала января и от 19 января 1870 года (Гончаров И. А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 377–380).

Письмо Кашпирева датировано 21 октября 1869 года (Летописи Государственного литературного музея. М., 1948. Кн. 12, т. II. С. 98). См. подробнее: Мельник В. И. П. В. Анненков — критик И. А. Гончарова // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 149–150.

Санкт-Петербургский государственный университет

И. С. Тургенев: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Под редакцией А. А. Карпова и Н. С. Мовниной

Скрипториум
Санкт-Петербург
2018

УДК 82.01/09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
ISBN 978-5-905011-18-4

И. С. Тургенев: текст и контекст: Коллективная монография / Под ред. А. А. Карпова и Н. С. Мовниной. — СПб.: Скрипториум, 2018. — 580 с.

В коллективную монографию вошли работы российских и зарубежных авторов, посвященные различным аспектам творчества И. С. Тургенева, его связям с предшествующей и современной литературой, а также проблемам рецепции его произведений.

Книга рекомендована к изданию Ученым советом Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научные рецензенты

В. Б. Катаев, Р. Джулиани, А. Д. Степанов

Ответственный редактор В. В. Яковлев

Выпускающий редактор Т. В. Вольская

Технический редактор Н. И. Баранов

Издание осуществлено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-20102

© Коллектив авторов, 2018

© Скрипториум, оформление, 2018